

«Мне интересны люди, которые не любят театр. Я их понимаю»

В Москву на фестиваль «Золотая маска» петербургский Малый драматический театр, более известный как театр Льва Додина, привозит свой знаменитый спектакль по Достоевскому «Бесы». Представление, которое длится почти девять часов, пройдет 25 и 26 марта в помещении театра Et Cetera. Об этом спектакле, поставленном пятнадцать лет назад, о его долгой жизни и постоянной актуальности Наталья ШКУРЕНОК рассказал постановщик «Бесов» режиссер Лев ДОДИН.

Ваше обращение к «Бесам» 15 лет назад выглядело как революция. Почему все-таки вы выбрали именно этот роман?

— Мы обратились к «Бесам» еще раньше, мы же репетировали его почти три года. Это была эпоха мощнейших перемен и потрясений в стране. И «Бесы» как раз об этом — о потребности перемен в самом человеке, об их опасности и о тех, кто «знает, как надо». Когда мы начинали, «Бесы» был полузапретным романом — советская власть утверждала, что это пасквиль и клевета на революционеров. Мы еще и потому обратились к «Бесам», чтобы внятно распрощаться с нашим прошлым. Но постепенно открылись какие-то более глубокие и важные вещи: о природе человека, о страсти к самоуничтожению через взаимоуничтожение. Это один из вечных вопросов большой литературы и очень важная для России проблема. Мы сейчас выпускаем «Короля Лира» — он ведь тоже замешан на этих вопросах, на этой трагедии.

— Премьера «Бесов» прошла на фестивале в Брауншвейге, это был первый, самый большой по времени вариант спектакля.

— Я честно предупреждал директора Брауншвейгского фестиваля, что будет 20 часов, что это может быть семь вечеров подряд, а он говорил: «Очень хорошо, пусть будет семь!» Но в Ленинграде мы сделали другой вариант — три спектакля за один день, восемь часов. Я помню, это был декабрь, голодная и холодная зима, карточки. Нам все говорили: вы что, сумасшедшие? Кто к вам придет на такой длинный спектакль? Мы волновались, но зал был полный. И люди сидели целый день. Им посты было негде! Потому что даже в нашем буфете было мало еды, и та дорогая. Приходили с кастрюльками, с картошечкой, уходили в уголок и ели. Почти как в греческом театре — правда, там люди приезжали с вином, фруктами, мясом. У нас мяса не было.

— «Бесы» стали спектаклем-долгожителем. Вы за это время пережили эпоху Чехова, сейчас, похоже, пришли времена Шекспира, а «Бесы» — как новенькие!

— Это не только моя заслуга, это какой-то огромный личный вклад всех актеров: сложился удивительный актерский ансамбль. Спектакль прошел огромный путь, удивительно развился, идет процесс саморазвития. Если спектакль живой, он впускает в себя время, развитие самих личностей актеров. И Петр Семак в роли Ставрогина, и Сергей Курышев в роли Кириллова, и когда-то Олег Бихтерев, а теперь Сергей Дмитриев в роли Верховенского, и Танюша Шестакова, и Лика Неволлина, и Ирина Тычнина, все, все. И все последующие спектакли влияли: Чехов придал тонкости, душевности, Шекспир прибавил трагизма. По сути, продолжается процесс самопознания, это природа театра: актер что-то узнает про себя, и благодаря этому узнают про себя зрители.

— А как европейские зрители воспринимают «Бесов»?

— Замечательно! Во многих странах, в Германии, во Франции... Нам говорили когда-то: чтобы французы высидели в театре целый день — такого не бывает... Высидели, как миленькие.

— Но ведь текст Достоевского надо понимать до нюансов — смысла, даже звука...

— Во всем мире отлично переводят Достоевского и прекрасно понимают, ничуть не хуже нас, а иногда и лучше! Мы уверены, что нас никто понять не может, потому что мы слишком самовлюбленные люди. Мы играли сейчас Чехова в Англии — фантастика, англичане улавливают такие тонкости, которые русское ухо уже не воспринимает! Потому что за 70 лет советской власти оно огрубело и не улавливает тонкостей простых человеческих отношений. А европейцы продолжают жить в той социальной и нравственной атмосфере, в которой писал Чехов.

— Что вам важнее слышать — мнение зрителей или критики?

— Мне важнее слышать дыхание зрительного зала, оно никогда не обманывает и говорит больше, чем любые слова. Я с интересом читаю критиков, но, соблюдая правила безопасности, стараюсь не впускать это в сердце. Хотя есть люди, чье мнение мне интересно всегда, независимо от того, критики они или нет. Мне вообще интересны люди, которые говорят: я не люблю театр, там всегда скучно. Я понимаю их, потому что тоже не очень люблю театр, плохого театра так много. Эти люди не прощают театру того, чего ему действительно нельзя прощать. Интересно мнение зрителей, которые редко бывают в театре. На гастролях мы приглашаем на спектакли продавцов, шоферов такси, горничных — они не ходят в театр, потому что в Европе театр — статусное место. И нередко эти зрители потом пишут нам письма, некоторые — много лет подряд.

— С чем можно сравнить ваших «Бесов» по форме, по масштабу? Мне ничего, кроме «Махабхараты» Брука, не пришло в голову.

— Трудно сказать. Во МХАТе Немирович-Данченко еще до революции поставил замечательный спектакль «Братья Карамазовы» — он шел два вечера подряд, это был первый мировой опыт такой масштабной постановки. Но, конечно, постановки Питера Брука и вообще все, что его касается, мне очень дорого.

— Ходят ли на «Бесов» молодые зрители? Считается, что молодежь уже приучена к совершенно другому способу зрительного восприятия, клиповому сознанию.

— Это предрассудки, наш зритель в большинстве молодой. Люди, купившие входные билеты, сидят на полу по девять часов. Молодежь как раз готова к такому риску, к такой духовной авантюре — целый день провести в театре с Достоевским! Это старшее поколение, не уважая себя, говорит: «Бессмысленно делать что-то стоящее, все равно это не будет востребовано молодыми». Да врут — просто не могут этого сделать! Я думаю, это не зритель привикает к клиповому сознанию, это творцы клипов привикают к такому сознанию, потому что не умеют сделать ничего другого.

— Не получается ли, что ваши «Бесы» сегодня — это такое зеркало для «Наших»?

— Достоевский уже все написал о «Наших»! И кому могло прийти в голову назвать движение молодежи этим словом?! Я ничего плохого или хорошего не могу сказать о сути движения, слишком мало информации. Книжки, конечно, жечь не надо, это стыдно. Но название? Неужели молодые, идущие туда, не читали «Бесов»? Это катастрофа. А если читали и все равно идут — это тем более катастрофа. Или это такая глупость, что разводишь руками, или такой цинизм,

что тоже остается только руками развести. Не срабатывают какие-то ассоциации, стыд не срабатывает, историческое забвение наступает. Я вообще думаю, что вопрос даже не в ребятах, их можно понять, им хочется свершений, а в тех, кто ими манипулирует. А когда человеком начинают манипулировать, он рискует превратиться в монстра — помните молодого человека, напавшего на синагогу? Это же какая атмосфера должна быть в обществе, если человек, чего-то начитавшись, идет убивать? Настоящая бесовщина, дошедшая до краев. Все это до ужаса современно. Это трагедия всего общества, которую мы пока не можем в полной мере оценить. Хотя у нас не было времен, когда бы «наши бесы» не были бы современными.

— У вас огромный опыт общения с молодыми. Вам всегда удается с ними найти адекватный язык?

— Мне интересно с ними общаться, и хочется верить, что у нас с моими студентами есть взаимопонимание. Хотя отдельные слова попадают не слишком внятными. Мы еще репетировали «Лира», стоим в коридоре с моим помощником Валерием Галендеевым, подходит ко мне Данила Козловский, еще студент, играет роль Эдгара, и говорит: «Лев Абрамович, я понял — они же Эдгара припахали на встречу с королем!» Я слегка замялся, а Галендеев подсказывает: «Придились, подскользнулся». Я отвечаю Даниле: «Конечно, но ведь он манкировал их приглашением». Смотрю, Данила замылся. Спасибо, Галендеев снова вырубил, говорит: «Да забил он...» Данила отвечает: «Ну да понял!» Так и поговорили.

— Существует привычка противопоставлять москвичей питерцам, Москву — Петербургу, целая мифология возникла. Вы как к этому относитесь?

— Сегодня все как-то стирается, в советские годы действительно было противоречие между Москвой и Ленинградом, всегда более партийным и официальным. А сейчас, например, многие петербуржцы работают в Москве, а скажем, Валерий Фокин отлично прижился в Петербурге в Александринском театре — ему, впервые за последние, наверное, лет пятьдесят, удалось создать там живую атмосферу и добиться творческой энергии, которая там не началась со времен Вивьена.

— Вы любите Москву?

— Она мне нравится, я там много лет работал. Она, конечно, немножко сумасшедшая, предвзятая, торопливая. Но в ней есть энергетический жар. Замечательно развивается город, жаль только, что много хороших зданий сносятся. Москве часто не хватает глубины — а кому ее теперь хватает?

Я рад, что мы едем в Москву, потому что у нас непростые отношения складываются с московским зрителем, с театральной средой. Когда мы первый раз в столице показали «Бесов», они были приняты неоднозначно — с уважением, но настороженно. Когда второй раз играли, зрители начали понимать наш способ разговора, существования на сцене.

— У вас есть желание продолжать Достоевского на сцене? В театре говорят о «Братьях Карамазовых»...

— Желания есть, их так много! Не знаю, может, будет Достоевский, но вряд ли «Карамазовы». Когда-то я этот роман уже ставил со студентами, а времени и сил он требует огромных...

— Но ведь решились же вы на роман-эпопею Грисманя!

— Вот именно! И это еще не пройденный этап. Я не очень люблю возвращаться туда, где мы уже ходили, потому что мы ходим так подробно, что особой потребности еще раз эту дорогу проходить нет.

— Гроссман может вылиться в нечто подобное «Бесам» и по масштабу, и по подробности проживания?

— Не знаю! У нас первая сцена в «Короле Лире» сначала шла 55 минут, сегодня уже 18. Я никогда не знаю, во что выльется новая работа. Пока не родишь, не узнаешь.